

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. Ломоносова

На правах рукописи

Пирусская Татьяна Александровна

Идея социальности и опыт переосмысления романной формы в
XIX веке (на материале творчества Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот)

Специальность 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре общей теории словесности (дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Венедиктова Татьяна Дмитриевна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Эсалнек Асия Яновна**
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
профессор кафедры теории литературы

Миловидов Виктор Александрович
доктор филологических наук, профессор
Тверской государственный университет
профессор кафедры теории языка и перевода

Попова Ирина Львовна
доктор филологических наук
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
ведущий научный сотрудник отдела теории литературы

Защита состоится 27 апреля 2018 г. в 15.30 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.06 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.
E-mail: philol.discours@gmail.com

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной библиотеки 1-го учебного корпуса гуманитарных факультетов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и на сайте ИАС ИСТИНА:
<https://istina.msu.ru/dissertations/104460604/>

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,

доцент А.А. Холиков

Общая характеристика работы

Настоящая работа представляет собой сопоставительный анализ романного творчества Ф.М. Достоевского (1821–1881) и Джордж Элиот (1819–1880). Его задачей является поиск новых подходов к описанию взаимосвязи литературной эстетики и социального знания, а также тех выразительных изменений, которые происходили параллельно в европейском социуме XIX века и в жанре романа, будучи связаны с нарастающей сложностью, внутренней дифференциацией того и другого. В романах Достоевского и Элиот сюжетная многолинейность в сочетании с многоголосием дают сильный и яркий художественный эффект, позволяющий говорить о «сетевом» качестве повествования. Такое определение в данном случае отсылает не к современному феномену компьютерных социальных сетей, а к сквозной метафоре «сети» (или соответствующей образ-схеме, если использовать термин, принятый в современной когнитивистике¹). Данная метафора проступает в структуре романов обоих рассматриваемых авторов – на уровне организации романного пространства и времени, выстраивания сюжета, коммуникации между персонажами, содержательных и стилистических особенностей этой коммуникации, – и, таким образом, может быть осмыслена в качестве ключевой.

Описанная форма организации романа внутренне связана с содержательным поиском, общим для русского писателя и британской романистки, – с активной и упорной проблематизацией социальности, созвучной современной им социальной философии, но отнюдь не сводящейся к её воспроизведению.

¹ Об этом см. Kimmel M. Analyzing Image Schemas in Literature // Cognitive Semiotics. Fall 2009. Issue 5; Allbritton D.W. When Metaphors Function as Schemas: Some Cognitive Effects of Conceptual Metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. 10 (1).

Художественная мысль реалистов XIX века становится сегодня предметом пристального теоретического внимания – в контексте поиска новых подходов к «социальному» и «социальности». В сегодняшнем научном обиходе эти категории используются все чаще наряду с более привычными и как бы понятными – «общество», «общественные отношения». Уже сам по себе этот факт говорит о рефокусировке исследовательского внимания: оно сосредоточено не столько на объективных структурах и масштабных, безличных системах, сколько на интерактивных практиках и отношениях, «посредством которых люди понимают мир, в котором живут, и обретают в нём цель и смысл существования... постоянно взаимодействуют друг с другом, по ходу этого взаимодействия производя друг друга»².

Интерес к социальному в новой трактовке даёт основание для привлечения в качестве методологической основы исследования акторно-сетевой теории в интерпретации Бруно Латура³. Прослеживая социальные связи в их конкретности и непрерывных изменениях, исследователь социального, по мысли Латура, имеет дело не с фиксированной суммой отношений, которая может быть «отображена», а с материалом трудноуловимым, предполагающим творчески-соучастную позицию интерпретатора-читателя. В этом смысле ценнейшие уроки социального анализа социологу предлагает литература. В свою очередь, современные литературоведы проявляют интерес к работам Латура, полагая, что последние позволяют увидеть литературу как «прочерчивание связей между фактами и новыми формами проявления интереса к ним, а также связывание новых интересов с ранее не замеченными фактами»⁴.

² Там же. С. 4.

³ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

⁴ New Literary History. Summer-Spring 2016. Vol. 47. P. 309–329.

Для российского литературоведения эта относительно новая проблематика является в каком-то смысле «возвратом» к проекту «социологической поэтики», разрабатывавшемуся в кругу Бахтина почти сто лет назад, но так и не получившему полного воплощения. Именно тогда была сформулирована задача: понять художественное как «особую форму социального общения, реализованного и закреплённого в материале художественного произведения», которая «не изолирована... причастна единому потоку социальной жизни... вступает во взаимодействие и в обмен силами с другими формами общения»⁵. Социальный роман осознаётся в качестве площадки словно бы неочевидного, но исключительно ответственного формального эксперимента – лабораторией, где исследуется современная социальность.

На почве теоретизации социального открывается простор для трансдисциплинарного диалога (новой проблематизации взаимосвязей социального и эстетического), а также диалога транскультурного (между культурными эпохами и национальными культурами).

Актуальность исследования. Нельзя сказать, что социальный (как в традиционном, так и в расширенном понимании этого слова) аспект творчества Элиот и Достоевского ранее не привлекал внимания литературоведов и не исследовался в связи с особенностями романной формы той и другого. Формированию социальных взглядов Достоевского и их преломлению в его творчестве посвящены специальные исследования Т.А. Касаткиной⁶, А. Де Лазари⁷, Дж. Сканлана⁸, С.С. Суровцева⁹, Р. Уильямса¹⁰. Начиная с работ Бахтина¹¹ и заканчивая самыми недавними

⁵ Волошинов В. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6. С. 249.

⁶ Касаткина Т.А. О творческой природе слова: онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004.

⁷ Лазари А. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004.

⁸ Сканлан Дж. Достоевский как мыслитель. СПб.: Академический проект, 2006.

⁹ Суровцев С.С. Развитие и становление философских взглядов Ф.М. Достоевского // Вестник МГТУ. 2008. Т. 11. № 1. С. 49–54.

¹⁰ Уильямс Р. Достоевский: язык, вера, повествование. М.: РОССПЭН, 2013.

публикациями, предметом интереса исследователей неоднократно становилась этическая проблематика произведений писателя (в частности, роль сочувствия, сострадания в отношениях людей) и в связи с ней – особенности сюжетостроения и коммуникации в его романах, присутствующие в них «диалоги без слов» и т.д. Следует отметить работы таких авторов, как Н.Т. Ашимбаева¹², А. Белкин¹³, П.М. Бицилли¹⁴, Р. Бэлнеп¹⁵, В.М. Джоунс¹⁶, Т. Киносита¹⁷, О.А. Ковалёв¹⁸, А.Б. Криницын¹⁹, Г.М. Фридлендер²⁰. Что касается творчества Элиот, то и в связи с ним немало написано о проблемах этики, мотивах долга и сострадания и их отражении в повествовательной технике романистики. Особого внимания заслуживают работы таких исследователей, как П.К. Гаррет²¹, С. Грейвер²², К. Джонс²³, Дж. Макуини²⁴, Ш.Л. Митчелл²⁵, К.М. Ньютон²⁶, К.А. Понд²⁷, Х. Статен²⁸,

¹¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

¹² Ашимбаева Н.Т. Достоевский: Контекст творчества и времени (сб. статей). СПб: Серебряный век, 2005.

¹³ Белкин А.А. Читая Достоевского и Чехова: статьи и разборы. М.: Худ. лит., 1973.

¹⁴ Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 483–550.

¹⁵ Бэлнеп Р. Генезис романа «Братья Карамазовы»: Эстетические, идеологические и психологические аспекты создания текста. СПб.: Академический проект, 2003.

¹⁶ Джоунс М.В. Достоевский после Бахтина: Исследование фантастического реализма Достоевского. СПб.: Академический проект, 1998.

¹⁷ Киносита Т. Антропология и поэтика творчества Ф.М. Достоевского. СПб.: Серебряный век, 2005. Особ. с. 75–90.

¹⁸ Ковалёв О.А. Нарративные стратегии в творчестве Достоевского. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2011.

¹⁹ Криницын А.Б. Структура и принцип сюжетообразования в романах «пятикнижия» Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/philology/47594.php> [24.04.14].

²⁰ Фридлендер Г.М. О некоторых очередных задачах и проблемах изучения Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: АН СССР, ИРЛИ, 1980. Вып. 4.

²¹ Garret P.K. The Victorian Multiplot Novel: Studies in Dialogical Form. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1980.

²² Graver S. George Eliot and Community: A Study in Social Theory and Fictional Form. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984.

²³ Jones C. George Eliot's Sympathy and Duty: The Nature and Function of Sympathy and Duty in George Eliot's Fiction in relation to Nineteenth-Century Theories of Egoism, Altruism and Gender and Twentieth-Century Feminist Object-Relations Theory. Kingston upon Hull: University of Hull, 2001.

²⁴ McWeeny G. The Comfort of Strangers: Social Life and Literary Form. Oxford: Oxford University Press, 2016.

²⁵ Mitchell Sh.L. Saint Teresa and Dorothea Brooke: The Absent Road to Perfection in Middlemarch // Victorian Newsletter. September 1997. Issue 92.

²⁶ Newton K.M. Modernizing George Eliot: The Writer as Artist, Intellectual, Proto-Modernist, Cultural Critic. London: Bloomsbury Publishing PLC, 2011.

²⁷ Pond K.A. The Impulse to Tell and to Know: The Rhetoric and Ethics of Sympathy in the Nineteenth-Century British Novel. Greensboro: University of North Carolina, 2010.

²⁸ Staten H. Spirit Becomes Matter: The Brontes, George Eliot, Nietzsche. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

Ф. Фишер²⁹, Б. Харди³⁰, а также сборник под редакцией П. Гейтли, Н.Д. Ливенса и Д.К. Вудкокка³¹, в который включены эссе, посвящённые способам опосредования отношений между индивидом и обществом в творчестве Элиот. Предпринимались единичные попытки сопоставления творчества двух романистов с точки зрения представленности в нём «идеальных моделей» социальности³² и проекции этих моделей в типе «положительно-прекрасного» героя³³. «Сетевому» принципу организации романов Достоевского и Элиот и их последовательному сопоставительному анализу с точки зрения функциональной формы, коммуникативного пакта, формирующегося между автором и читателем, пока не уделялось достаточно внимания. В перечисленных выше исследованиях мы обнаружим «россыпи» частных замечаний, которые помогают освоить эту проблематику, но попыток обобщения с учётом развития современной социальной и литературной теории, тем более обобщения через сравнение, не предпринималось. В этом смысле данная диссертация полагает своей задачей заполнение научной лакуны, само существование которой стало явным лишь в последние десятилетия.

Цель работы – систематически проанализировать и сопоставить выбранные для рассмотрения романы Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот с точки зрения того, как опыт социальности моделируется в них на разных уровнях романной формы и, в свою очередь, организует читательское восприятие.

²⁹ Fisher Ph. *Making Up Society: The Novels of George Eliot*. Pittsburgh (Pa.): University of Pittsburgh Press, 1981.

³⁰ Hardy B. *Particularities. Readings in George Eliot*. London: Owen, 1982; Hardy B. *The Novels of George Eliot. A Study in Form*. London: University of London, 1959.

³¹ Gately P., Leavens N.D., Woodcox D.C. (eds.). *Perspectives on Self and Community in George Eliot: Dorothea's Window*. Lewiston, New York: Edwin Mellen Press, 1997.

³² Curtis K.R. *Perception and Action: Sympathy, Charity and Ideal Communities in Eliot's *Middlemarch* and Dostoevsky's *The Brothers Karamazov**. Lynchburg: Liberty University, 2011.

³³ Curtis K.R. Указ. соч. – здесь сопоставляются Доротея Брук и Алёша Карамазов. См. также Гнюсова И.Ф. Священнослужение в миру: главный герой в романах «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «Дэниел Деронда» Джордж Элиот // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 83–93.

Задачи исследования:

- обозначить круг социально-философских и социально-религиозных проблем, ключевых для мировоззрения Достоевского и Элиот; проследить, как в их романах данная проблематика реализуется на уровне *формы*;

- выявить ключевые приёмы, сопряжённые в романах Достоевского и Элиот с рефлексией социального опыта, проанализировать структурные и функциональные сходства и различия этих приёмов у рассматриваемых писателей;

- проследить, как структура романов Достоевского и Элиот обуславливает читательское восприятие, какие стратегии сотворческого взаимодействия с текстом она подразумевает;

- наметить возможности обоснования понятия сетевого романа и продемонстрировать продуктивность применения сетевой модели в литературоведении.

Предмет исследования – примеры «сетевой» романной структуры, выявляемые в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот.

Материалом для исследования являются романы «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869), «Бесы» (1872), «Братья Карамазовы» (1880) Ф.М. Достоевского, «Мельница на Флоссе» (1860), «Сайлас Марнер» (1861), «Мидлмарч» (1872), «Дэниэл Деронда» (1876) Джордж Элиот. Также привлекаются тексты дневников, писем, рабочих заметок, публицистика.

Выбор данных произведений среди романов Достоевского и Элиот обусловлен тем, что эти тексты непосредственно обращены к современности (в отличие, например, от более раннего романа Элиот «Адам Бид», где действие происходит в XVIII веке, или её же исторического романа «Ромола») и написаны не в форме «субъективного» повествования (как эпистолярный роман «Бедные люди» или близкий к дневниковым записям «Подросток» Достоевского). Оба эти соображения в данном случае

принципиально важны, поскольку: 1) рефлексия социальности анализируется в диалоге с современностью; 2) рассматривается организация романного повествования, не «опосредованная» сознанием «участника» описываемых событий³⁴.

Теоретической основой исследования послужили труды М.М. Бахтина и Д. Лукача по теории романа, Б.А. Успенского по поэтике композиции, М. Киммела – о когнитивной метафоре в литературе, М. Бермана, Ю. Хабермаса – о трансформации социальности в XIX веке, а также исследователей, анализировавших непосредственно творчество Достоевского: опять же М.М. Бахтина, М.Г. Гиголова, Р. Жирара, Т.С. Карловой, Дж.М. Мура, Р. Мэтлоу – и Элиот: К.М. Ньютона, Ф. Пайла, Х. Фиша, Ф. Фишера, Б. Харди. Особую методологическую значимость представляют тексты Б. Латура, с опорой на которые была разработана основная концепция, а также Ф. Моретти как теоретика романа, предложившего оригинальный синтез поэтологических и социологических методов исследования.

Научная новизна работы:

1. Впервые в отечественном и зарубежном литературоведении предпринимается последовательное развернутое сопоставление романного творчества Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот.

2. Обосновывается одна из возможностей применения акторно-сетевого анализа к художественному тексту.

3. На уровне романной формы прослеживается рефлексия опыта социальности в романах Достоевского и Элиот.

³⁴ В «Бесах», в отличие от других рассматриваемых романов, рассказчик, конечно, одновременно является и персонажем. Однако его главная функция – рассказывать, какой бы субъективной при этом ни была его «хроника». К тому же его двойственное положение в данном случае принципиально важно для формы романа (см. соответствующую главу).

4. Выявляются конкретные структурные приёмы, непосредственно связанные с проблематикой социальных связей, и соответствующие им стратегии чтения.

5. Формулируется гипотеза о сетевом романе как особом структурном типе романа, намечается возможность обоснования этой гипотезы.

Положения, выносимые на защиту:

- Новое восприятие социальности в XIX веке, и созвучное, и полемическое в отношении к господствующей в культуре того времени позитивистской парадигме, взаимосвязано с изменениями в форме романа – ведущего литературного жанра «современности».

- Достоевского и Элиот как писателей-современников, размышляющих о социальности, объединяет не только интерес к схожим проблемам современной общественной жизни, но и сходная направленность поиска в области романной структуры и формы, в которой находит своё художественное воплощение рефлексия социального опыта. Важны, в частности: метафора сети как сквозная, организующая для всех рассматриваемых текстов; разноуровневость коммуникации между персонажами; приёмы совмещения временных планов – предвосхищения и ретроспективы; образ «положительно-прекрасного» героя и др.

- В романах Достоевского и Элиот можно выделить несколько уровней осмысления социального опыта: 1) индивид как узел социальных связей и одновременно обособленная точка: возможность или невозможность контакта, одиночество и сострадание как возможность его преодоления; 2) разветвлённая сеть социальных связей, соучастно отслеживаемая повествователем и читателем: все звенья сети находятся в зависимости друг от друга, хотя зависимость эта бывает часто неочевидной, косвенной; 3) насущность трансцендентного основания человеческих взаимосвязей, активно вопрошаемая и тематизируемая обоими авторами: «расширенная» социальность как посредник или эквивалент откровения.

- Приёмы, посредством которых в романах Достоевского и Элиот моделируется опыт социальности, организуют читательское восприятие, побуждают читателя к реализации определённых стратегий взаимодействия с текстом.

Теоретическая значимость работы состоит в новизне предлагаемой методологии – разработке потенциала «социологической поэтики» в контексте опыта современных сетевых исследований. Также это самый развёрнутый и полный на сегодняшний день сопоставительный анализ творчества Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его результатов в курсах лекций по истории русской или зарубежной литературы XIX века, а также в курсах, посвящённых сравнительному литературоведению. Кроме того, положения исследования могут послужить основой самостоятельного спецсеминара, направленного на более детальную разработку понятия сетевого романа.

Структура работы. Данная работа состоит из Введения, четырёх глав, Заключения и Библиографии.

Апробация работы. Основные положения исследования отражены в пяти публикациях (четыре из них в журналах, которые входят в перечень изданий, утверждённых МГУ им. М.В. Ломоносова, а также в перечень ВАК).

Основное содержание работы

Во **Введении** формулируются основные положения исследования, его актуальность и новизна, излагаются цели и задачи, оговаривается теоретическая и методологическая основа диссертации, материал, уточняются методы научных поисков и описывается структура работы.

Теоретическая глава «*Сетевая социальность*» как структурная характеристика жанра романа» проблематизирует связь между формирующейся в XIX веке новой моделью социальности и происходящим в этот же период переосмыслением романной формы.

В разделе 1.1. *Романная форма как опыт осмысления социальности* постулируется возможность расширенного понимания словосочетания «социальный роман» (в противовес традиционному «идеологизированному» истолкованию этого понятия). Именно социальность как опыт, множественность взаимосвязей между отдельными людьми, постоянно меняющаяся, динамичная совокупность этих связей становится темой «нового» литературного жанра – романа. Современность (модерность) переживается как средоточие неопределённости, состояние изменчивости, мимолётности, разорванности опыта, фрагментированности смыслов, проблематизации ценностей. М.М. Бахтин отмечал присущие роману «специфическую смысловую незавершённость и живой контакт с неготовой, становящейся современностью (незавершённым настоящим)»³⁵. А Д.Дж. Хейл неслучайно считает его «самой социальной из литературных форм»³⁶. Литература мыслится как альтернативный – по отношению к социологии – способ осмысления современности: по словам, З. Баумана, они «порождаемы одним типом любопытства и имеют общую познавательную цель»³⁷. Иными словами, многими исследователями роман XIX века воспринимается как «социология до социологии» или «скрытая социология»³⁸ (выражение В. Лепениса), причём в аспекте сближения социологии и литературы важно, что романисты нередко осмысляют

³⁵ Бахтин М.М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. С. 395.

³⁶ Hale D.J. Social Formalism. The Novel in Theory from Henry James to the present. Stanford: Stanford University Press, 1998. P. 4.

³⁷ Bauman Z., Mazzeo R. In Praise of Literature. Cambridge: Polity, 2016. (preface).

³⁸ См. об этом: Lepenies W. Between Literature and Science: The Rise of Sociology. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

проблему социальности не только – и даже не столько – на содержательном уровне, сколько на уровне формы.

Раздел 1.2. Истоки и перспективы сетевого подхода в литературоведении посвящён возможностям «социологического» взгляда на структуру романа – идея, восходящая ещё к работам М.М. Бахтина. Размышления Ф.М. Достоевского и Дж. Элиот о сущности и природе социальных связей в их романах часто не высказаны напрямую, а принимают форму невидимых законов организации романного мира. Их произведения можно назвать реализацией метафоры совокупности социальных взаимосвязей как сети, находящейся в постоянном движении, сети, самые отдалённые звенья которой связаны между собой и могут косвенно, но иногда с неожиданной силой воздействовать друг на друга. Это новаторское для своего времени осмысление опыта социальности на уровне романной формы требует нового к себе подхода. И такой подход, как нам представляется, литературоведение может почерпнуть у социологов – в свою очередь, нередко вдохновляющихся литературой. В этом смысле ценна мысль Бруно Латура о том, что «активные социальные существа»³⁹ вовлечены в непрерывную коммуникативную деятельность и образуют сеть, все «звенья» которой сообщаются между собой, находятся во взаимодействии; след действия, акта как раз и образует связь между ними⁴⁰. По всей видимости, эта концепция может оказаться перспективной и в литературоведении – постольку, поскольку предполагает качественное описание не только социума, но и литературного произведения как подвижной, «многоканальной» системы. Применение в анализе романа XIX века подходов, разрабатываемых современной сетевой социологией, с нашей точки зрения, не является анахронизмом, навязыванием романному

³⁹ Strum S.S., Latour B. Redefining the Social Link: from Baboons to Humans // *Biology and Social Life*. 1987. Vol. 26. Issue 4. P. 784.

⁴⁰ Поэтому, в частности, Латур говорит, что термин «сеть» можно было бы заменить «сетью действий». См. Латур Б. Указ. соч. С. 184–186.

тексту более позднего восприятия социальности. Принцип отслеживания сетевых связей самим Латуром во многом «подсмотрен» как раз в романе XIX века – об этом французский социолог говорил не раз.

Некоторые опорные понятия и принципы, постулируемые АСТ, легли в основу попытки « сетевого » анализа текста, предложенного в данной работе, и послужили теоретическим инструментом, на основании которого рассматриваются романы Достоевского и Элиот.

Раздел 1.3. *Метафора в структуре романа и метафоричность как способ развития художественной мысли* обращается к заимствованной из современных работ по когнитивистике (Д. Лакофф и М. Джонсон, М. Киммел и др.) идее метафоры как развития «образной схемы». Схемам организации опыта в тексте отвечают схемы читательского восприятия – внутреннее подобие этих слоёв опыта является важным симптомом и одновременно важной гарантией его (текста) эстетического качества. В основе данного исследования лежит предположение, что описываемый в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот социально-коммуникативный опыт персонажей определяется сквозной метафорикой «сети». Она и составляет тот «скрытый слой», тот глубинный «сюжет» их романов, которым обеспечена авторская рефлексия социального и читательское в ней соучастие.

В разделе **1.4. *Достоевский и Элиот: идеологи и художники*** с опорой на дневники, письма, публицистику, а также отдельные фрагменты из романов обоих писателей проанализированы представления каждого из них о природе социальности, тесно связанные с эволюцией их религиозных взглядов; также анализируется их диалог (или полемика) с некоторыми современными им мыслителями, писавшими на социально-религиозные темы (прежде всего с основателем позитивизма Огюстом Контом). Мироззренческий поиск двух романистов выглядит контрастным по вектору: Элиот движется от изначальной глубокой религиозности к

философскому сближению с позитивистами, Достоевский – от революционной, социалистической идеологии к вере. Для Достоевского связь между людьми в конечном счёте немислима вне трансцендентного измерения и лишается какого бы то ни было смысла в отсутствие «Бога и бессмертия»⁴¹, в то время как для Элиот «проекция на вечность» отнюдь не является непременным условием человеческой социальности. Однако, несмотря на очевидные различия между двумя писателями, сопоставление их творчества позволяет обнаружить ряд парадоксальных созвучий, в основе которых – чуткость обоих к потенциям «современной» культуры и мысли, стремление уяснить природу социальности, глубоко рефлекслируемой социальной взаимосвязи и вовлечь читателя в их обсуждение, осуществляемое *в художественной форме*.

В разделе **1.5. Гипотеза и композиция исследования** обосновывается структура аналитической части с опорой на некоторые ключевые для данной диссертации понятия акторно-сетевой теории, такие, как «связь» (отношение, ассоциация), «сеть», «посредник».

Ключевыми для анализа представляются моменты возникновения связей-ассоциаций, их качественного преобразования. Эти моменты играют и сюжетообразующую, структурную роль в рассматриваемых нами романах, где узловая ситуация – ситуация встречи, диалога, эмпатического контакта, преодоления одиночества субъектов и протягивания линии между двумя точками-объектами. Принимая в качестве единицы анализа отдельно взятую связь-отношение, мы наблюдаем, как умножение таких отношений формирует «сеть»: совокупность связей между акторами (в нашем случае персонажами романа) – находящихся в непрерывном становлении и изменении, возникающих и рвущихся, преобразующихся. Все участники

⁴¹ Именно такое словосочетание неоднократно повторяется на страницах «Братьев Карамазовых». Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, Харвест, 2007. См. с. 20, 40, 49, 93, 158, 429. А в письме Н.Л. Озмидову от февраля 1878 года Достоевский говорит: «...Бессмертие души и Бог – это всё одно, одна и та же идея...». Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 30. Кн. I. Л.: Наука, 1984. С. 10.

такой сети взаимодействуют на равных и включены в общий коммуникативный процесс, как бы ни различалась степень их участия и роль в нём, а также интерес к этому процессу. Сетевое качество романной формы проявляется в обнаружении неожиданных и неочевидных взаимосвязей, в их способности порождать новые события и смыслы.

«Плоскость», общая горизонталь социальной сети – основной предмет изображения в романе, но не единственный. У социальной сети есть и вертикальное измерение, проявляющееся в тех ситуациях, когда межличностные связи рассматриваются относительно иерархии этических ценностей, вершина которой для обоих рассматриваемых нами авторов ассоциируется с трансцендентным – с порогом, пределом, за которым опыт перестаёт поддаваться изображению, по крайней мере, в рамках романной формы.

По такой «лестнице» одного персонажа часто ведёт другой, выступающий в качестве посредника между ним и высшим смыслом. Этот другой неслучайно назван *посредником* – здесь мы снова возвращаемся к АСТ и разграничению между проводником и посредником, принципиально важному для Латура. Первые «переносят значение или силу, не преобразуя их», тогда как вторые «преобразуют, переводят, искажают и изменяют передаваемые ими значения или их элементы»⁴². Такого рода диалогические ситуации, обладающие трансформирующей силой, в частности, и будут интересовать нас в рассматриваемых романах как пример «вертикального измерения» социальной сети. С другой стороны, сам роман выступает как лиминальное (термин В. Тёрнера) пространство, пространство эксперимента, а возможно, самопреобразования читателя по ходу контакта с текстом: автор, сам текст и разыгрываемые в нём ситуации выступают в роли преобразующих посредников.

⁴² Там же. С. 58.

Таким образом, отдельные ключевые понятия и принципы акторно-сетевой теории Бруно Латура используются нами в качестве инструментария при анализе текста: будучи созвучны романной форме и отчасти вдохновлены ею, они способствуют выявлению её неочевидных на первый взгляд качеств и структурных особенностей. Метод Латура, взятый нами за основу как принцип анализа, учит описывать *становление связей в ситуации*, что мы и пытаемся показать, выделив несколько типов ситуаций, сквозных для романов Достоевского и Элиот.

Исключительно важным в контексте поставленной нами задачи представляется и опыт Бахтина и Волошинова по осмыслению художественного как «особой формы социального общения»⁴³. В своей книге о Достоевском Бахтин говорил о необходимости анализировать принципы мировоззрения как принципы «художественного видения мира и художественного построения *словесного* целого – романа»⁴⁴. Линия, начатая Бахтиным и направленная на анализ социальности через форму, в литературоведении осталась практически нереализованной, и разработки современной социологии – в свою очередь, «опирающейся» на опыт литературы, – с нашей точки зрения, могут способствовать её развитию.

Специфика организации анализируемых текстов позволяет нам выдвинуть гипотезу о «сетевом романе» как структурном типе, требующем особого рассмотрения. Можно предположить, что для этого типа романа существенную роль играет многомерная проблематизация социальности, а основными формальными его признаками являются значимое взаимодействие относительно самостоятельных сюжетных линий и ретроспектива, побуждающая читателя постоянно переосмыслять прочитанное в свете вновь открывшихся связей.

⁴³ Волошинов В. Указ. соч. С. 248.

⁴⁴ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 15–16. Выделено в тексте.

В главе II, *«Контакт с другим как проблема»*, на материале романов «Мельница на Флоссе» (1860), «Сайлас Марнер» (1861) Элиот, «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1867) Достоевского мы рассматриваем, как социальность посредством романной формы рефлексирована на уровне межличностных связей. Центральной темой при этом является возможность или невозможность контакта с другим, одиночество и его преодоление.

В фокусе прозы Достоевского и Элиот почти неизменно – одинокий герой, для которого привычные связи с ближайшим окружением перестают быть данностью и привычкой, переосмысливаются и пристраиваются заново. Варианты таких «сюжетов одиночества» мы рассматриваем в разделе **2.1. Сюжеты одиночества и (не)возможность разговора.** Одиночество трактуется обоими писателями как конкретный и в то же время общий, характерно «современный» опыт, в контексте которого контакт с другим, даже с самым близким, предстаёт как проблема, – связь то восстанавливаемая, то прерывающаяся или намеренно прерываемая, за счёт этого неустанно и на разных уровнях рефлексированная. Важной, хотя и необязательной фазой романного сюжета является «возвращение» из социальной изолированности, отъединённости к людям, восстановление нарушенных связей (такой путь проходят Родион Раскольников и Сайлас Марнер, чьё исходное состояние изображено как предельная обособленность), хотя возможен и противоположный вариант (князь Мышкин).

Темой раздела **2.2. Качество контакта** является динамика установления индивидуального контакта, которая предполагает, с одной стороны, высокий уровень неопределённости, внутренней противоречивости, а с другой – неизбежность и непредсказуемость трансформации, происходящей при этом с участниками общения. На материале отдельных эпизодов и сюжетных линий каждого из четырёх романов анализируется

чередование сближений и разрывов между персонажами, выразительность невербальной коммуникации, параллелизм между умолчаниями героев и повествователя.

§ 2.2.1. *Преобразующий контакт.* Опыт глубинного понимания, подлинного контакта часто оказывается сопряжён с открытием персонажами в себе – благодаря другим – способности к сопереживанию, состраданию или его приятию, ответной благодарности. Поводом к этому открытию может быть самое незамысловатое на первый взгляд проявление заботы, участия или осознание собственной ответственности, родства с другим человеком – ряд таких эпизодов мы рассмотрим в романе «Мельница на Флоссе».

§ 2.2.2. *Неопределённость контакта.* Цепочка сближений и разрывов на уровне развития конкретной межперсонажной связи по-своему прослеживается в романе «Идиот», для которого очень характерно чередование сцен, где герои максимально откровенны друг с другом, границы между ними стираются и происходит предельное сближение, и эпизодов, в которых те же персонажи чувствуют отчуждение друг от друга, каждый остаётся внутри собственного одиночества, собеседники глухи к словам друг друга и объяснение невозможно. Общность и близость то и дело оказываются иллюзией; шаткость межличностных связей проявляется в «закрытости» от каждого из персонажей сознания другого, невозможности или нежелании преодолеть эту преграду, даже если это могло бы разрешить или, по крайней мере, смягчить конфликт.

Фокусом **раздела 2.3. Средства контакта. Условность слова и безусловность жеста** становятся средства контакта (речь, жест – символический или произвольно-телесный, в особенности взгляд, зрительный контакт). Сама возможность контакта, общения, не-одиночества постоянно проблематизируется обоими романистами – и часто предстает как возможность понимания не на уровне слов, а уровне взглядов, касаний, жестов. И у Достоевского, и у Элиот невербальная коммуникация не просто

сопровождает или усиливает словесную, но в отдельных эпизодах полностью замещает её. Более того, «разговорам без слов» нередко присуща гораздо большая содержательность, и именно они не только выражают подлинные взаимоотношения персонажей, но и формируют их, становясь точками средоточия и образования глубинного смысла межличностных связей.

Значимость невербальной коммуникации в романе проявляется не только на уровне межличностных – межперсонажных – связей, но и в «диалоге» повествователя и читателя, от которого в первую очередь ожидается, что он осознает эту значимость. Чтобы понять роман, читатель должен научиться читать его «с изнанки», постоянно заполняя пробелы умолчания, «заглядывая» за то, что происходит, описывается и говорится непосредственно.

В разделе 2.4. ***Контактность и становление смысла: лакуны, предвосхищения и ретроспекции в динамике чтения*** на примере отдельных ситуаций в каждом из четырёх анализируемых романов рассматривается роль контактных ситуаций в динамике становления-собираения смысла произведения: постепенно складывающийся узор предвосхищений и ретроспекций, который читательское воображение создаёт, соединяя временные разрывы метафорическими «мостиками». Читатель при этом осуществляет собственное усилие по преодолению одиночества, отчасти параллельное тому, что изображается в тексте, но и не совпадающее с ним: одним из условий диалога с повествователем является высокий уровень «партнёрской» субъективной активности – умение и готовность проследить, отчасти и пере-создать потенциально заложенные в тексте связи.

В главе III, ***«Хронотоп провинциальной сплетни»***, на материале романов «Бесы» (1872) Достоевского и «Мидлмарч» (1872) Элиот анализируется тема социальной связи в особом структурно-содержательном аспекте: сеть межперсонажных отношений становится сетью непрерывно

циркулирующих слухов, формирующих пространство и время провинциального города, – они очерчивают его границы, заключают в себе и двигают его историю, помогают героям опознать «своих» и «чужих» в этом пространстве. В эту сеть слухов напрямую вовлекается и читатель – ненадёжный рассказчик-хроникёр в «Бесах» и стремящийся отразить множественность точек зрения повествователь-«историк» в «Мидлмарче». Тот и другой ставят читателя перед необходимостью внимательно следить за сложными разветвлениями слухов и иногда неочевидных связей между персонажами. Сплетня призрачна, но порой и догадлива: она простраивает сложные композиции, взаимозависимости и сюжеты. Ей склонны верить, заведомо сознавая её ненадёжность. В этом смысле сплетня – социально-коммуникативное искусство, которое сродни литературе.

В разделе **3.1. Слухи как «связующее вещество» романа** речь идёт о слухах как организующем начале повествования, обеспечивающем его целостность и динамику отношений между персонажами. В «Мидлмарче», как и в «Бесах», сплетня является основой всего романа, а сам роман организован по её законам: его действие развивается благодаря взаимодействию постоянно разрастающихся догадок и слухов. Персонажи романа становятся «коллективным автором» сплетни, которая, в конечном счёте, и образует роман. Размышление о романе, как и размышление о сплетне, заставляет не столько стремиться к логике и достоверности, сколько искать причины и мотивы, способствовавшие зарождению вымысла.

В центре раздела **3.2. Провинциальный город как микрокосм: от нестабильности к статике** – микрокосм провинциального города, по ходу действия под влиянием множества событий – и сопровождающих их слухов – претерпевающий различные трансформации, а в финале вновь возвращающийся к своему обычному состоянию. Эти трансформации выявляют схожее «сетевое» устройство описываемых Достоевским и Элиот провинциальных сообществ при их явном различии: первое жаждет

сенсации, пребывает в состоянии неопределённости и открытости даже самым невероятным слухам, второе же использует молву скорее как средство контроля над «подозрительным» и чуждым.

Предметом **раздела 3.3. *Время и пространство: слухи как летопись и связь с «внешним миром»*** являются пространственно-временные характеристики бытования слухов, их роль как аналога «летописи», хроники, истории и связующего звена с внешним миром. Романы Достоевского и Элиот объединяет прежде всего общая нарративная ситуация: пространство небольшого города, теснота которого способствует непрерывной циркуляции сплетен и обуславливает социальную сплочённость местного общества, настороженно относящегося к «чужакам» и «незнакомцам». Городские слухи создают галерею портретов и событий (совершившихся или предстоящих), они представляют собой собрание «фактов», из которых строятся биографии местных жителей. Однако биографии эти не статичны и не линейны, они постоянно видоизменяются и пополняются, их детали существуют в разных версиях, они включают в себя не только настоящее, но и предполагаемое ближайшее будущее.

Наконец, **раздел 3.4. *Эвристический потенциал романа-сплетни: слухи как катализатор связей*** посвящён присущей слухам творческой способности моделировать действительность, сближающей их с литературой и побуждающей читателя к ответному эвристическому отклику. Догадка, сплетня, предположение, высказанное «просто так», мимоходом брошенная фраза могут в свете последующих событий приобрести смысл «пророчества» и/или заставить читателя полностью пересмотреть прочитанное. Если же обратиться к анализу диалогов между персонажами, можно отметить и другую («зеркальную»?) функцию фатических реплик: они не только влияют на читательское восприятие, но незаметно выстраивают и направляют сюжет.

В **IV главе, «Социальное как откровение»**, анализируются романы «Братья Карамазовы» (1879–1880) и «Дэниэл Деронда» (1876), в которых

художественная рефлексия социальности выходит на новый уровень. Логика сюжета, где несущественные на первый взгляд детали задним числом обретают значимость и ценность, где поэтому каждая деталь может мыслиться читателем как потенциально значимая, словно бы моделирует логику Промысла, в которой кажущиеся «случайности» складываются в отчётливый сюжетный «узор». Такой принцип событийной организации тесно связан с особым способом проблематизации социальности в «Братьях Карамазовых» и «Дэниэле Деронде». В центре этих романов – социальное чувство как средство приближения к этическому идеалу и даже источник откровения. Прикосновение к трансцендентному (по-разному трактуемому Достоевским и Элиот) предстаёт в них как возможность, всегда так или иначе обусловленная посредничеством другого человека. Нравственное развитие сравнимо с лестницей, по которой человек поднимается в той мере, в какой оказывается способен на сопереживание, сострадание, любовь к другому или приятие их от другого. Последние романы Достоевского и Элиот можно назвать кульминацией социально-философского поиска обоих авторов. Закономерным образом в каждом из этих романов на сюжетном уровне, на уровне формы и в содержательном плане ставится проблема выразимости откровения, возможности непосредственного контакта с трансцендентным и возможности передать опыт такого контакта средствами романной формы.

Раздел 4.1. Ретроспективное переосмысление – выявление «логики случайностей» посвящён логике сюжета, «узловыми» точками которого становятся встречи и диалоги, а также ретроспективному осознанию читателем этой логики. Сюжетная структура мотивирует возникновение коммуникативных связей между персонажами – но не менее важна и рефлексия этих связей: читательские «предчувствия» косвенно отсылают к целостному «узору», который в процессе чтения открывается на разных этапах своей завершённости (оставаясь при этом незавершённым). Внутренняя логика событийного «узора» проступает постепенно, по мере

того, как словно бы незначимые реплики и детали начинают задним числом восприниматься как свидетельства о наличии законосообразного целого: жизненного с точки зрения персонажей и эстетического – с позиции читателя.

В рамках раздела **4.2. *Формы посредничества: социальность как лестница*** мы рассматриваем социальность героев как «лестницу», по которой персонажи движутся посредством открытия в себе – и в других – сострадания и чуткости. Взаимоответственность предстаёт как целостность социальных связей, осмысляемая на уровне формы. И Достоевский, и Элиот последовательно разрабатывают образы «положительно-прекрасных героев», которые выступают как социальные подвижники, носители мудрости или приближения к святости в миру.

§ 4.2.1. *Начало восхождения: сострадание к другому.* Соприкосновение с личностью другого для персонажей Достоевского и Элиот оказывается источником внутренней перемены, продвижения на пути социально-нравственного развития, как бы побуждает нащупывать следующую ступень «лестницы», что всегда сопряжено с открытием в себе сострадания и/или ощущением сострадания к себе. В роли другого-как-посредника может выступать носитель мудрости, знания высшего порядка – таковы старец Зосима у Достоевского или Мордекай у Элиот – или духовный подвижник «в миру» – таковы Алёша Карамазов, Дэниэл Деронда.

§ 4.2.2. *«Луковка» спасения: ответственность за другого.* Взаимосвязанность, понятая как взаимная ответственность и проявляющаяся в поступках, заложена в самом устройстве событийности в романе, где даже незначительные на первый взгляд действия персонажей в отношении друг друга постепенно приводят к решающим последствиям, положительным или отрицательным. Кроме того, социальность, связи между людьми становятся посредниками откровения о трансцендентном, и сам старец Зосима может рассматриваться как такой «посредник», носитель опыта о Боге. Этому

образу Достоевского функционально близка фигура Мордекай в романе «Дэниэл Деронда»: «в наследство» от него Деронда получает завет ехать «на Восток», подобный завету Зосимы Алёше идти в мир.

§ 4.2.3. *«Положительно-прекрасные»: восхождение как путь посредничества.* Если старец Зосима и Мордекай выступают как «авторитетные» посредники между земным и небесным, «учителя» социального подвижничества, то на примере их «учеников» – Алёши и Деронды – мы наблюдаем последовательно развёртывающийся путь подвижничества, в ходе которого они сами становятся для других посредниками. Способность преображать окружающих, пусть ненадолго, и одновременно самому перерастать себя в общении с другими – характерная черта, присущая «положительно-прекрасным» героям как у Элиот, так и у Достоевского. Исключительно выразительно и то, что Достоевский и Элиот упорствуют в усилиях написать убедительный образ современного человека, близкий к образу святого, – оба писателя, с риском впасть в тенденциозность, «усиливают» образ положительного героя нескрываемой, даже слишком откровенной авторской симпатией к нему. Но оба же не доводят замысел до конца: у романа Элиот открытый финал, запланированный Достоевским «роман об Алёше» остаётся ненаписанным, едва ли не состоявшееся «житие» – неоконченным.

§ 4.2.4. *Решение финалов: приближение к пределу.* В заключительном параграфе анализируется решение финала каждого из романов. Оба романа заканчиваются выразительно-диалогическим жестом – обращённым одновременно к вечности и к со-присутствующим другим: в «Дэниэле Деронде» косвенным (его обозначает цитата из Мильтона), у Достоевского – вопросами и восклицаниями мальчиков в ответ на речь Алёши. Диалог как передача живого опыта упирается в свой предел (конец романного повествования) и необходимость получить продолжение в иной форме.

В **Заключении** содержатся выводы из исследования, а также намечены возможные пути дальнейшей проверки гипотезы о структурном типе «сетевого романа» на более обширном материале.

**Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных
для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова
по специальности 10.01.08 «Теория литературы. Текстология»**

1. Сплетня как механизм авторефлексии в романах Достоевского «Бесы» и Джордж Элиот «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 193–216.

2. «Точки ретроспекции» как структурообразующий элемент романного дискурса у Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2016. № 6. С. 142–154.

3. «Несостоявшиеся жития»: образы социальных подвижников в романах Ф.М. Достоевского и Джордж Элиот // Филология и человек. 2017. № 2. С. 71–83.

4. Зачем социологам читать романы? (Рец. на кн.: Longo M. Fiction and Social Reality: Literature and Narrative as Sociological Resources. Farnham: Routledge, 2015. VIII, 163 p. (Classical and Contemporary Social Theory)) // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 320–323.

Публикации в других научных сборниках

5. Социальные связи глазами философов и писателей XIX века // Философские опыты. Общество, власть, дискурсы. Выпуск 8: сборник научных трудов / Сост. и отв. ред. Н.В. Гоноцкая. М.: Издатель Воробьев А.В., 2015. С. 52–64.